

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

**УРУЗБАКИЕВА
ФАТИМАКАПИЕВНА**

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ

Специальность 09.00.03 - история философии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург
2004

Работа выполнена на кафедре современной зарубежной философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

Колесников Анатолий Сергеевич,
д. ф. н., профессор

Официальные оппоненты:

Грякалов Алексей Алексеевич,
д.ф.н., профессор
Соколов Борис Георгиевич,
к. ф. н., доцент

Ведущая организация:

Санкт - Петербургская театральная
академия

Защита состоится "17" июня 2004__года в 11⁰⁰ часов на заседании Диссертационного совета К.212.232.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 142

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан "11" мая 2004__г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

Кандидат философских наук, ст.преподаватель

Круглова Н.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Особенностью современного философского мышления является формирование его в конкретных ситуациях - событиях нашего духовного бытия, не объединяющих в себе путём обобщения все другие сферы духовной жизни, не возвышающихся над ними в качестве метафизики. Повышенное внимание к уникальности, особенностям, невоспроизводимости в других условиях изучаемых событий истолковываются уже как отказ от всеобщности выводов и как переход к эмпирическим или прикладным исследованиям. Говорится о смене тоталитаризма рациональности («фонологофаллоцентризма», по Деррида) плюрализмом, релятивизмом, о формировании нового единства научных, эстетических, религиозных и философских интуиции, преодолевающих индивидуализм, антропоцентризм, патриархальность, механичность, национализм.

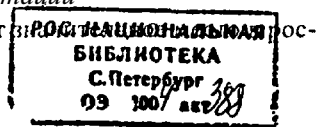
Новый принцип мышления, оформленный постструктуралистской философией, неразрывно связан с символом, знаком, пониманием Другого, воображением, дебиологизацией фрейдизма, представлением субъективности как лингвистического продукта, личности как литературной условности, теорией социального текста и контекста культуры, манерой письма и др.

В этом контексте актуальным становится исследование такого направления как деконструктивизм, являющегося, в некотором смысле, основой философии постструктурализма. Представленное преимущественно теориями, построенными на основе анализа текстов, данное направление может быть рассмотрено с точки зрения философской проблематики, актуальной на сегодняшний день. В нынешней тенденции проникновения языковой проблематики в традиционные сферы философского интереса (онтология, гносеология) является значимым объединение философской и искусствоведческой проблематики, превращение литературной критики в направление философии.

В теориях двух представителей американского деконструктивизма, рассматриваемых в настоящем исследовании, поднимаются и решаются ряд актуальных для современной философии, проблем; в частности, эстетических, культурологических, проблем философии языка. С историко-философской точки зрения исследование деконструктивизма в США актуально в контексте анализа постмодернистской, современной философии.

Степень разработанности темы диссертации

Анализ идей постструктурализма занимает в

российской науке. Сформировавшись в основных чертах во французской мысли, он оказал влияние на развитие большинства философских направлений, на формирование постмодернизма. Анализ постструктурализма в контексте искусствоведения и культурологии проводится в работах А.М. Зверева, И.П. Ильина, Н.Б. Маньковской, М.К. Рыклина. Анализ постмодернизма как общей части культуры и эстетики содержится в работах В.М. Диановой, М.С. Кагана. Исследование постструктурализма с точки зрения его философской проблематики и его связи с идеями структурализма проводится в работах Н.С. Автономовой, А.В. Гараджи, А.А. Грякалова, Е.Н. Гурко, А.С. Колесникова, Г.К. Косикова, Б.Г. Соколова.

Среди существующих исследований, в которых проводится анализ американского деконструктивизма, можно упомянуть многочисленные работы И.П. Ильина, которые описывают постструктуралистскую традицию в целом, в широчайшем охвате представляющих его течений. С точки зрения эстетической проблематики деконструктивизм Йельской школы рассматривается С.Б. Никоновой.

Цели и задачи исследования. Ведущая цель состояла в том, чтобы дать целостную характеристику оригинального толкования и применения деконструктивного дискурса американскими философами на фоне эволюции деконструктивизма от критического модуса Поля де Мана к утверждающему модусу Фредрика Джеймисона.

В связи с этим представляется необходимым решить следующие задачи:

- определить основные философские положения деконструктивной теории и практики представителей Йельской школы в интерпретации художественных текстов;
- выявив эти основания, определить оригинальность подхода П. де Мана;
- определить основные концепты и темы философских положений, выявленных в ходе анализа прочтений де Мана;
- на этом основании проследить взаимосвязь его неомарксистского методологического «синтеза» а другими методами в общем и с постструктурализмом, в частности;
- показать целостность и оригинальность концепции развития западной культуры Ф. Джеймисона;
- определить место деконструкции (прежде всего, взглядов Ж.Деррида) в современной американской философии.

Теоретические и методологические основания исследования

Методологически диссертационная работа представляет собой ис-

следование, основанное на анализе концепции двух представителей американского деконструктивизма, не ставящее своей целью подробный и тщательный разбор каждой из этих концепций в их развитии, но стремящееся выявить наиболее существенные моменты этих теорий. При анализе работ данных философов автор пользовался герменевтическим методом анализа текста, выявляя за конкретной проблематикой концепций их философские основания. Автор также использовал сочетание историко-философского и компаративистского анализа.

Работа выполнялась на широкой источниковедческой западной литературе, включающей как произведения самих исследуемых авторов, так и работы, посвященные их творчеству (большая часть и тех и других переводилась автором).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в постановке и содержательном анализе ряда малоисследованных аспектов, касающихся темы диссертации:

- впервые осуществлена попытка целостного рассмотрения деконструктивизма в США в ходе анализа концепций де Мана и Джеймисона;
- показаны особенности рецепции и трансформации принципов постструктуралистской и деконструктивной философии Деррида на американской почве, определена оригинальность и достаточная степень независимости;
- впервые американский деконструктивизм определяется как философско-литературное направление, во много определившее парадигму постмодернизма;
- показаны его генетические связи как с некоторыми социо-культурными и философскими проблемами, так и с направлениями философствования;
- определена философская проблематика деконструктивной практики Поля де Мана;
- впервые определяются основания анализа культурных феноменов (как текстовых феноменов) в концепции Джеймисона.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в стимулировании углублённого изучения американского деконструктивизма во всей полноте его направлений и в связи с европейской («континентальной») философией.

Данная работа может быть использована при подготовке лекционных и семинарских занятий, спецкурсов по современной зарубежной философии, а также в спецкурсах по философии культуры, эстетике и философии языка.

Апробация основных положений и отдельных аспектов работы нашла отражение в ряде публикации, а также в докладах на научных конференциях: «Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации» (г. Санкт-Петербург, 2001), «Россия - Запад - Восток: компаративистские проблемы современной философии» в рамках «Дней Петербургской философии 2003» (г. Санкт - Петербург, 13-15 ноября, 2003).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры современной зарубежной философии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав (девяти параграфов), заключения и списка использованной литературы на русском и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, характеризуется степень изученности данной темы, формулируются цели и задачи, указываются методологические принципы исследования, выявляется его научная новизна, а также возможность научно-практического использования материалов диссертации, основных положений в выводе. **В первой главе** «Литература и философия в творчестве Поля де Мана» представлены воззрения классика американского деконструктивизма как целостной философско-литературной концепции.

В первом параграфе формулируются основные положения постструктуралистской методологии Йельской школы. Именно учеными этой школы - самого влиятельного и авторитетного в американском деконструктивизме - было обосновано ключевое понятие деконструкции как «выявление оригинальных метафизических допущений, на основе которых было построено то или иное литературное или философское произведение».

Главный тезис этого параграфа состоит в том, что данная школа не может рассматриваться исключительно в рамках постструктурализма и как простое развитие идей Деррида на американской почве на материале анализа художественных текстов, но во многом обязана своим происхождением предшествующей англо-американской философской и критической традиции, методологию которой в своих теориях органично синтезирует с идеями постструктурализма на общей для обоих направлений почве иссле-

дований проблем, связанных с языком и пониманием художественную текста.

Основные принципы, которыми руководствуется Йельская школа при анализе текстов, таковы: рассмотрение текста как структурно-смыслового единства и представление о риторической природе языка. Причем, «текст», «литература» и «язык» понимаются ими широко: «внутри литературный универсум» расширяется, стираются границы между ним и всем внешним, экономика, политика, повседневность могут быть рассмотрены как литература.

Понятие о риторической структуре языка, где фигуральность является ни частью, ни украшением, но свойством языка, имеет давнее происхождение и было разработано в работах Руссо и Кондильяка. Понимание слова как стёршейся или забытой метафоры есть прямой путь к постструктуралистскому понятию свободного означающего. Но для толкования текста, конечно, важны не только тропы, но также и способы построения текста. Основным здесь может быть назван следующий тезис: любой текст строится по правилам риторики, а риторика есть общее обозначение любого способа построения текста.

Являясь основополагающим для всей философско-эстетической мысли XX века, представление о структурно-смысловом единстве текста становится определяющим и в теории де Мана. Исходя из двойственности, заключённой в этом вопросе, он подвергает текст детальной деконструкции, пытаясь выяснить, в каком отношении находятся друг к другу смысл и структура текста и является ли смысл текста сообщением, и если да - то что оно в себе несет.

Во втором параграфе анализируются идеи, касающиеся философии языка и природы литературного текста, представленные в работах основателя Йельской школы Поля де Мана. В его работах идеи деконструкции представлены в наиболее чистом виде. Он является также и наиболее близким последователем постструктуралистских идей Деррида, хотя в предисловии к книге «Аллегории чтения: фигуральный язык Ницше, Руссо, Рильке и Пруста» де Ман подчеркивал, что его понимание деконструкции существенно отличается от понимания её у французского философа и во многом сформировалось независимо от последнего. Однако связь его теории с учением Деррида остается неоспоримой, хотя само их отношение к данному понятию и способы применения его принципиально различаются: то, что для Деррида было неопределимым и стихийным общим свойством языка, для де Мана становится строгим законом и, одновременно, методом. Суть этого метода определяется положением о разрушительном влиянии способа построения текста, или его риторической структуры, на референциальное значение.

Определяя риторику как «диалектическое разрушение устойчивой связи между знаком и значением, которое действует внутри грамматической структуры», де Ман обозначает ею любой способ построения текста, неотделимый от него.

Текст *n* его риторической напряженности всегда есть, для де Мана, литературный текст, вымысел, фикция, так же как и саму эту напряжённость и следующую из нее неопределенность он характеризует как литературу. Таким образом, литературный текст есть тот текст, который фактически ни о чем не говорит, разрушая любые свои референции, и литературность является «привилегированной» точкой зрения на любой текст, т.к. именно она способна раскрывать в любом тексте то, что он говорит «на самом деле», или, точнее, что он «на самом деле» ничего не говорит. Противоречие между языком и референцией рассматривается де Маном как противоречие внутри риторики текста, где риторика убеждения разрушается его же риторикой тропов, оставляя текст в абсолютной неопределённости.

Но проблема заключается в том, что столкновение двух сторон риторики текста никогда не происходит на равных, текст бесконечно развертывается серией непрерывных переворачиваний утверждения - отрицания. Причем оба они ложны не в отношении неведомой референции, но в отношении к риторической структуре. Таким образом, они не уравнивают друг друга (ибо это дизъюнкция) и текст вынужден непрерывно двигаться дальше.

Таким образом, манианский метод деконструкции основывается на отсутствии возможности правильной интерпретации, или говорит о возможности бесконечного количества интерпретаций, ни одна из которых не будет более правильной, чем другая.

В теории де Мана соотношение текст - интерпретация, значение - понимание приобретают вид устойчивой фигуры ослеплённости — прозрения. Поскольку буквальное прочтение является лишь одним из возможных риторических решений, постольку выбор той или иной формы свидетельствует об изначальной подготовке высказывающегося. Вот здесь и встает проблема, которую Бахтин называет термином «внезаходимость автора» - если единственное, что автор может предъявить в отношении себя самого, есть предпочтение той или иной ситуации, то невозможность буквального высказывания оборачивается смещением автора, а на его место заступает исполнение предпочтения - письмо. Отношение читателя к письму уже никак не может происходить в модусе доверительности или откровенности. Автор превращается в жертву собственного искусства, читатель же обретает момент истины, позволяющий услышать в конкретном поэтическом произведении подлинное высказывание, состоящее не столько в слове, сколько в поступке - в разре-

шении риторических тяготений, которое слово за собой влечёт.

Фигуративные ситуации в классической риторике сочетаются с их методическим подкреплением - мнемоническим искусством. Методика эта имманентна самой риторике и определяет не только ее инструментарий, но и ее цели, поскольку риторика есть искусство указания на упущенное. У де Мана память об интерпретируемом тексте - это забвение уже произведенной интерпретации, возвращающая читателя (=критика) к исходному тексту, что искусство утраты первичной по времени интерпретации, «Естественная» фигура забвения - воспоминания может быть оформлена и в результате целенаправленной стратегии прочтения, как это показано на примере прочтения Руссо в «О грамматологии Деррида, когда автор, посредством критика (= читателя), попадает в классическую платоновскую ситуацию знания как воспоминания.

В третьем параграфе «Поль де Ман и философия» формулируется проблематика философско-литературного модуса деконструктивной критики де Мана, определяется его отношение к философской традиции.

Исходя из «экзистенциально-философского модуса дискурса», использовавшегося Бланшо и Хайдеггером, де Ман рассматривает литературу как место, где умирает автор, а литературное произведение (в широком смысле любой текст) - как независимое существо, как «сознание без субъекта» как единственную реальность. В попытке понять, прочесть эту реальность открывается её самодеконструктивный характер, внутренняя противоречивость любых аксиоматических систем, понимаемой в языковом плане как столкновение различных «модусов обозначения». Подобным образом прочтения де Маном философских текстов оборачиваются апориями аксиоматики философской традиции.

Деконструированный текст становится аллегорическим, рассказывающим историю о неудачном чтении. Таким образом, аллегория не скрывает, но подчеркивает отличие литературы от жизни, и потому становится механизмом беспредельного производства, причем текст устанавливает с жизнью отношения иронии, определяемой де Маном как «слово, разрыв». В соединении аллегорического повествования с иронией, посредствующей в отношениях между поэзией и жизнью - тайна всякого текста, вызывающего на чтение и остающегося непрочитанным и даже «нечитабельным». Де Ман подчеркивает нарративную природу аллегории: аллегории повествовательны, а повествования - аллегоричны. Аллегория представляет существенные возможности языка всегда говорить нечто другое, чем то, что дается чтением, включая сцену самого письма. Это есть предотвращение любого тотализирующего итога. С этой точки зрения, гегелевская история как аллегория, по де Ману, -

это рол повествовательном (а не исторической) выдумки, сказки, или, скорее рол истории, не являющейся исторической. Аллегория всегда говорит через голос другого: через иронию. Аллегория и ирония - два источника для де Мана: аллегорическая память и ироническое забвение. «Память» - центральное понятие теории американского философа, всё - собирающий концепт всех его прочтений.

Утверждается, что фигура аллегии дизъюнктивна, а её память будет обещанием, но никогда не обеспечит шанс для воспоминания себя, для сбора, в котором размышление о бытии будет собирать себя.

Истоки провокационной силы манианской деконструкции утверждаются в различии *Gedachtnis* и *Egrineung* - «думающей памяти» (сохраняющей в себе через имя) с технической способностью запоминания и «воспоминания» как внутренний сбор и сохранение опыта, отношение между которыми не диалектическое, но один из разрывов, разнородность, дизъюнкция. Тогда философия Гегеля; будучи аллегорией дизъюнкции, не может быть объединенной интерпретацией, не является фигурой помнящей тотализации, собиранием всех фигур западной метафизики, её завершением и границей.

В предпочтении де Маном *Gedachtnis* кроется его отношение к Хайдеггеру, определяющего всё содержание деконструкции американского философа. Нерв его теории - усилие сказать против Хайдеггера, его фундаментальной миметологии. В этой связи автором подробно рассматривается тема памяти у немецкого философа. Вместо хайдеггеровского «язык говорит» де Ман провозглашает «язык обещает». Обещание кроется в апоретической структуре аллегии. Обещание невозможно, но неизбежно: очевидное противоречие акта чтения и аллегии чтения, читаемости и аллегии неудобочитаемости - обещание в начале историй, расширение текстуальности.

Память де Мана - обещание, без любого сбора, возможного в форме представленного. Обещание запрещает сбор бытия в присутствии, поэтому память де Манна без предшествования. Она отсылает к до-фигуративному, к моменту «до» всех оппозиций: констатива и перформатива, литературы и философии. Память — история — интерпретация у де Мана без предшествования и потому на грани невозможного или бесконечных возможностей. Отсюда недалеко до постмодернистских презумпций: становление - нелинейность развития - «свободная игра означающих». В конечном итоге, все деконструктивные прочтения де Мана диктуют тенденцию принять непонимание, и перечислять те способы языка, которые отвергают всю риторичность истины. У де Мана все они негативные: не-антропологический, не-исторический, не-поэтический.

В заключении главы деконструкция де Мана определяется ни как хай-

дспериапская, ни деррпдпанская.

Во второй главе «Философия культуры Фредрика Джеймисона» в свете общей проблематики левого деконструктивизма формулируется стратегия текстового анализа и основные положения его оригинальной концепции постмодернистской культуры. Левый деконструктивизм (М. Рьян, Ф. Лендрпккия, Д. Брекман и Ф. Джэймисон), оставаясь в пределах постструктуралистского постулата об интертекстуальности литературы, рассматривают её в широком контексте общекультурного дискурса, включая в него религиозные, политические и экономические дискурсы, все вместе образующие общий или «социальный» текст. Выступая, в некотором смысле, противовесом аисторическому модусу Иельской школы, представители этого направления стремятся соединить идеи постструктурализма с неомарксистскими концепциями. В этой связи отмечается, что в современном западном марксизме, или неомарксизме, акценты смешаются к философской проблематике, а объектом анализа (или критики) становятся не столько экономические и политические структуры, сколько культура и искусство.

В конфликте между двумя противоположными тенденциями в американской литературной критике - постструктуралистской тенденцией текст\а-лизирования, где превалирует автономность текста и «литературность» литературы, и неомарксистской тенденцией контекстуализирования, где в анализ вовлекаются исторические и социальные масштабы текста, становясь тем самым политикой литературы, - Джеймисон определяет свою стратегию чтения как «симптоматическое» чтение.

В первом параграфе «Логика культуры: История и текст» даётся характеристика базовых концептов теории Джеймисона.

«Всегда историизируй!» - таков общий пафос концепции американского философа, означающий рассмотрение текста в его исторической перспективе, что является необходимым условием его адекватного понимания.

В определении взаимоотношений текста и Истории последняя становится парадоксальным, непредставимым концептом. История - это, прежде всего, прошлое. Бытие в настоящем прошлого культуры - это та «сущностная мистерия», ключ к которой дает, по мнению Джеймисона, марксизм. Фундаментальной темой, «единственным неоконченным сюжетом» этой истории является обретение коллективного единства и свободы в борьбе с Необходимостью. Но история - это и непрямым способом схватываемый смысл настоящего в той мере, в которой оно выявляется как форма восприятия Истории. Таким образом, понятие истории предстает как единство двух содержательных уровней: это та субстанция социальности, которая одновременно является формой организации опыта индивида.

Реальное, История не существует в качестве автономном инертном субстанции, дистанцированном от текста, она вплетается в текстуру произведения искусства, обретая тем самым актуальность. История не есть текст, но она доступна, по Джеймисону, только в текстуальной форме. Будучи в этой своей ипостаси артикулированной историей, текст синонимичен нарративу (повествованию), который рассматривается как «главная функция и инстанция человеческого разума», конститутивный для всей культуры процесс. Оно служит местом взаимообращения Истории и текста, удерживая в себе значения Истории как совокупной событийности, Реального (History), истории как частной последовательности событий (story) и истории как формы описания событий (сюжетный текст).

Вслед за Альтюссером, культурная детерминация определяется Джеймисоном как имеющая логическую форму «структурной каузальности», в которой структура – это такая комбинация элементов, где нет ничего внешнего её элементам. И в этом смысле История («социальная тотальность») как «структурная причина» становится «отсутствующей», поскольку оказывается имманентной своим следствиям. Феномены культуры должны интерпретироваться не в свете детерминированности каким-либо культурным уровнем или областью, но как эффекты системы взаимоотношений между всеми культурными стратами (экономической, политической, эстетической и т.д.). Смыслообразующим фактором культуры объявляется модус репрезентации социальной тотальности в индивидуальном феномене. То, что производится в рамках исторически определенной социальной формации – не столько предметы, сколько форма субъективности и социальных отношений, определяющая культурную доминанту. Товар как форма, по Джеймисону» является интерпретативным ключом ко всем продуктам абстрактной мысли капиталистической культуры.

Во втором параграфе автором рассматривается оригинальная интерпретативная модель, сформулированная в контексте «новой герменевтики» Ф. Джеймисона. Анализируется связь с философской герменевтикой Гадамера, Рикёра; подчеркивается использование понятий идеала надежды Э. Блоха, диалогического М. Бахтина и концепции Франкфуртской школы. Однако, задача параграфа – показать, каким образом коды или знаковые системы, составляющие «политическое бессознательное» текста (или его идеологический подтекст), конституируется на различных уровнях интерпретации. Интерпретативный акт включает в себя реконструкцию «политического бессознательного» текста, как «вытесненного», принимающего различные формы в зависимости от «семантического горизонта в вопросе», т.е. в зависимости от того, относится ли это к исторической ситуации в узком смысле, к особенно-

му социальному порядку, или к «человеческой истории как целому».

На \уровнях интерпретации текст предстает то символическим актом (индивидуальным высказыванием, паролем, в ответ на определенную историческую ситуацию), то классовым «языком» -- набором идеологем (классовым высказыванием среди других, в социальном дискурсе или культурном диалоге), то кодом, общим для всех «языков» в диалоге («идеологией формы»).

Таким образом, негативная герменевтика трактует отношения между текстом и контекстом не в терминах гомологии или отражения, но в динамическом ключе отношений вытеснения и компенсации. В тексте на уровне содержания вытесняется то, что возвращается в формальном плане, оказывается существенно содержательным. Идеологический анализ негативной герменевтики дополняется позитивной герменевтикой, выявляющей утопическую функцию текста «вся литература должна читаться как символическая медитация о судьбе сообщества». Такова двойная вытесняюще-компенсирующая процедура неомарксистской герменевтики Ф. Джеймисона.

В третьем параграфе в контексте типологии капиталистической культуры, предложенной американским философом, существенное внимание уделяется концепции постмодернизма.

Определяя задачу своей концепции как поиск принципа для анализа текстов культуры, служащего одновременно действенной системой, с помощью которой можно показать общую идеологическую функцию всех этих признаков вместе взятых, Джеймисон вовлекает живописные, архитектурные и др. «тексты», создает «тотализирующую модель» современной культуры.

В типологическом ряду капиталистической культуры: реализм - модернизм - постмодернизм, последний, в общем, характеризуется непредставимостью картины мира как таковой, невозможностью целостного видения мира и авторского стиля. Базовая характеристика капитализма - товарное овеществление - захватывает искусство, Бессознательное и Природу. В частности, Джеймисон предлагает и обосновывает следующие определяющие характеристики постмодернизма: новое отсутствие глубины, находящее свое продолжение как в современной «теории», так и в целом новой как в современной «теории», так и в целиком новой культуре имиджа и симулякрума; последовательное ослабление историчности как в отношении к общественной Истории, так и в новых формах индивидуальной темпоральности, чья «шизофреническая» структура предопределяет новые типы синтаксических и синтагматических отношений в наиболее темпоральных искусствах; совершенно новый вид базисного эмоционального состояния («интенсивностей»), которые наилучшим образом может быть уловлен через возврат к старым по-

наптям возвышенного; глубинные конститивные отношения всего этого к совершенно новой мировой экономической системе.

В ответ на оценку Джеймисонианской «тотализирующей» модели постмодернистской культуры как телеологической, европоцентричной и, следовательно, логоцентричной, автор подчеркивает, что анализ текстов культуры постмодерна имел целью реконструкцию ее как исторической ситуации. Отмечается, что понятие культурного дискурса включает в себя реконструкцию «политического бессознательного» не только главенствующих групп, но и маргинальных (в анализе феминистской и гей-литературы, «черной» литературы и др.). Акцентируется, что компаративное исследование культур видится американскому философу не в повороте к «одному и тому же», но в установлении радикальных ситуационных различий в культурном производстве и значении.

В заключении главы определяются моменты, присущие деконструктивизму в целом, и устанавливаются различия между американским и французским вариантом деконструктивизма: понимание деконструкции как программы конкретного действия в литературоведении, искусствоведении и др.; отсутствие акцентированно нигилистического отношения к тексту, стремления разрушить иллюзорную целостность текста; склонность к «статическому универсализму», что «очищает» применение деконструкции от конфликтных и стратегических элементов, позволяя предстать в виде отдельных самостоятельных методологий.

Задачей **третьей главы** «Деконструктивизм в контексте американской философии» ставится показать отношение академической философии США к теории деконструкции Ж. Деррида - основателя и вдохновителя деконструктивного движения, тем самым определить место деконструктивизма в философской палитре США.

В **первом параграфе** представлен анализ деконструкции Деррида представителем аналитической философии Дж. Сёрлем.

Подвергая анализу работу Дж. Каллера «О деконструкции» и некоторые тексты самого Деррида, Сёрль определяет деконструкцию как ряд методов обработки текстов, текстовых стратегий, направленных, главным образом, на свержение логоцентрических тенденций. Анализируя деконструкцию оппозиции «речь - письмо» (одной из стратегических для Деррида), американский философ заключает: утверждение Соссюра о функционировании элементов языка только из-за различий между ними у Деррида ложно оборачивается в то, что «элементы состоят из следов этих самых других элементов», что «существуют только различия и следы следов». Система различий, по Сёрлю, не нарушает различия между присутствием и отсутствием. Напро-

тив, система различий есть именно система присутствий и отсутствий, уничтожение «элементов» в угоду «следов» - важный сдвиг в философии языка Деррида и, возможно, всей метафизики деконструкции; странное прочтение Деррида истории западной философии, скорее, мотивировано его убеждением, что всё в логоцентризме основано на предпочтении речи, а использование удобно переопределенного понятия письма поможет ему деконструировать понятие истины, реальности и т.д.; доказательство в этой оппозиции основано на переопределении - таким образом можно доказать всё, что угодно; переопределение Деррида письма не основано ни на каком эмпирическом изучении сходств и различий обеих систем, более того, переопределение основано на неверном представлении о том, как функционирует система различий, что далеко небезобидно.

Примеряя стратегии деконструкции к самой деконструкции в иерархической оппозиции деконструкция / логоцентризм, Сёрль приходит к выводу, что она деконструирует себя посредством апоретического *Aufhebung* (снятия). В конечном итоге, утверждается, что Деррида - классический метафизик, использующий инструменты Хайдеггера в ответ на некоторые положения Гуссерля: Деррида, утверждая, что гуссерлианское видение трансцендентального в основе науки, языка и здравого смысла неверно, не замечает, что это никоим образом не угрожает науке, языку и здравому смыслу. Утверждается очевидная слабость деконструктивизма на фоне «золотого века» философии языка.

Во втором параграфе «*Aufhebung*: Хабермас и Деррида» рассматриваются некоторые аспекты полемики Хабермас / Деррида, сконструированной на основе герменевтического прочтения их текстов Дэвидом Кузене Хой. Речь, прежде всего, идёт о деконструкции, её философском статусе и назначении.

Первый аспект критики Хабермасом Деррида касается существенного для деконструктивизма вопроса о различии между логикой и риторикой, указывающем на различие между литературой и философией. Настойчиво определяя эти различия как видовые, Хабермас обвиняет Деррида в их разрушении. Деррида же пытается показать, что традиционное различие между логикой и риторикой не является просто нейтральным, а обременено ценностями иерархии, которой наполнена философская традиция, где логика уничтожает риторику, а философия провозглашает себя областью, в которой соотношение между ней самой и литературой должно быть чётко определено.

Может показаться, что Деррида, оспаривая это видовое различие, отвергает философию, а вместе с ней и истину, логику и разум, и сводит всё к риторике. Однако стиль его письма создан таким образом, чтобы «показать»

парадоксы, возникающие и результате любой попытки «высказать» зги вещи. Для Деррида вопросы состоят в том, почему некоторые высказывания оказываются не просто истинными, а более важными, чем другие (ведь истина всегда появляется в контексте интерпретации, по может ли интерпретация претендовать на то, что она «уловила» истину), в том, чтобы рационально сформулировать вопросы о границах рациональных усилий. Критически отвергая институт философии, Деррида признает (с игровым парафразом его более раннего знаменитого утверждения, что «не существует вне-текста»), что «не существует вне-философии».

Хабермас, определяя деконструкцию Деррида как философскую концепцию открытия мира, утверждает тем самым ее неспособность решать проблемы, т.е. быть теорией, обеспечивающей концептуальную ясность, необходимую для объяснения и критики. Отношение же Деррида к «теории» двойственно. С одной стороны, деконструкция противостоит «теории» в строгом смысле тем, что постоянно пытается дестабилизировать её, и показать ей, что находится вне неё. С другой стороны, Деррида не выступает против теории в менее строгом смысле слова, которая должна приветствовать действия деконструкции, поскольку всегда должна быть открытой тому, что она ещё не описала, постоянно осознавая, что может быть в любой момент разоблачена. Теория, по мнению Деррида, должна включать в себя открытие множества проблем, а не (как в модели Хабермаса) устранение частных проблем. И в этом смысле утверждается, что концепция теории Деррида гораздо функциональней, чем открытие мира и более определённой, чем решение проблемы. Подчеркивается, что в оппозиции теории и метода деконструкция является разъясняющей стратегией или операцией, которая может быть выполнена в любой конкретной «теории», что операция деконструкции заставляет заключать в кавычки рассматриваемую теорию, приостанавливая ее использование и вместо этого анализируя ее.

В этом контексте возникает вопрос о возможности конструктивного использования деконструкции в социальных и политических практиках. В этом случае деконструкция вмешивается в политическое в том, что она может высказать, каким образом в любом тексте, дискурсе или аргументе некоторая концепция института находится в работе. Анализируются акты декларирования, основания или происхождения, которые, по Деррида, не являются рациональными в смысле когнитивного или само-очевидного акта, но обладают структурой дифферанса.

Ещё один аспект полемики Хабермас / Деррида - что такое деконструкция: политика или философия, или как «работать деконструктивно с конкретными проблемами» - рассматривается в третьем параграфе. Герменев-

тичеекое прочтение текстов Деррида Р. Беристаииом выявляет основные понятия, определяющие этико-политические установки его деконструкции «единичность другого», «инаковость другого». Деррида стремится показать, как инаковость разрушает, угрожает и избегает логоцентрических концепт) - альных систем, пытается показать почему и как «логика» оппозиции и отрицания нуждается в дополнении «логикой» дифферанса. Эта «логика» не есть «логос», который охватывает и объединяет различия, ибо Деррида также пытается анализировать и разницу другого. «Другое» не есть «обобщённое другое», которому можно приписать какое-либо собственное или нарицательное имя. Если подобное перевести на язык социополитики, то это значит, что когда внимание обращается к сингулярности другого или дифферансу, необходимо сосредоточиться на различиях, которые «создают» различие. Под одним термином «другое» не объединяются и все различия.

Отмечается, что деконструкция не связана только с содержанием, она не может быть отделима от политико-институциональной проблематики и связана с разработкой нового понимания ответственности. Деррида всегда работает на границах, интересуясь «логикой добавочности». Деррида занимается не только проблемой сокращения границ, понимаемых как «обнаруженные» или «обусловленные», он пересматривает все формы «определения границ», в том числе между теоретическим и практико-политическим. Он не перестает быть в оппозиции к «логике апартеидам - радикального разделения на «естественные» виды - понимается ли апартеид буквально или фигурально. Подчеркивается невозможность представить и оправдать универсальные правила, которые должны управлять решениями и действиями (ибо это метафизическая позиция). Ответственность, наваливающаяся со стороны «другого» заставляет быть готовыми к ней. Таким образом, видится, что этико-политические установки Деррида имплицитно содержат в себе вопросы коммуникации, на которые опирается его практика деконструкции. Имея дело с письменными текстами, а не с конкретными институциональными практиками, Деррида предлагает довольно абстрактные решения по поводу демократии, политики и т.д., что не уменьшает эвристическую ценность его деконструкции. Заключается, что деконструктивные дискурсы все еще весьма сомнительны в сфере американской науки и философии, предпочитающих классические гарантии истории, генетические нарративы и периодизации всех сортов.

В Заключение подводятся итоги исследования, намечаются возможные направления дальнейшего изучения американского деконструктивизма.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Деконструкция и ишерпретация в американской философии // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Материалы научной конференции.- СПб., 2001. 0,3 п.л. .

2. «Новая» герменевтика Фредрика Джеймисона // Дни петербургской философии 2003. Россия - Запад - Восток: компаративистские проблемы современной философии. Материалы научной конференции. - СПб., 2004., 0,7 п.л.

3. Текст в перспективе Истории и современности (Опыты «Слепоты и прозрения» Поля де Мана) // Дни петербургской философии 2003. Россия - Запад - Восток: компаративистские проблемы современной философии. Материалы научной конференции. - СПб., 2004. 0,2 п.л.

Подписано в печать 29 04 04. Формат 60ч84 1/16
Бумага офсетная Печать офсетная
Усл печ л 0,93 Тираж 100 экз Заказ № **197**

ЦОП типографии Издательства СПбГУ
199061. С-Петербург, Средний пр , 41

P-9688